

fanzon

**THE BEST OF
KIM STANLEY
ROBINSON**

Edited by Jonathan Strahan
San Francisco

Ким Стэнли Робинсон

ЧЕРНЫЙ ВОЗДУХ

ЛУЧШИЕ РАССКАЗЫ

Под редакцией Джонатана Стрэна

fanzon

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
P58

Kim Stanley Robinson
THE BEST OF KIM STANLEY ROBINSON

Copyright © 2010 by Kim Stanley Robinson

Робинсон, Ким Стэнли.
P58 Черный воздух : лучшие рассказы / Ким Стэнли Робинсон ;
[перевод с английского А. И. Корженевского и др.]. — Москва :
Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-111839-6

Ким Стэнли Робинсон – один из виднейших авторов, работающих в жанре научной фантастики. На протяжении 80-х и в начале 90-х его рассказы не раз и не два раздвигали границы научно-фантастического жанра, определяя его «научную» составляющую.

Этот выдающийся сборник составлен удостоенным многих премий редактором Джонатаном Стрэном в сотрудничестве с самим автором. Подборку дополняет новый, нигде ранее не публиковавшийся рассказ «Литаврщик из Берлинской филармонии, 1942». Кроме него представлен еще двадцать один рассказ, в том числе – удостоенный премии «Небьюла» «Слепой геометр» и «Черный воздух», завоевавший Всемирную премию фэнтези.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-111839-6

© А. Корженевский, перевод на русский язык, 2022
© Д. Старков, перевод на русский язык, 2022
© А. Агеев, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Венеция под водой

К тому времени, как Карло Тафур с трудом очнулся от сна, грудная дочь вопила как резаная, чайник свистел, в комнате веяло ароматом печного дымка, а из-за окна доносился плеск волн, лижущих стены нижнего этажа. Снаружи едва рассвело. Нехотя выпутавшись из простыней, он поднялся, прошлепал босыми пятками через другую комнату и, ни слова не говоря жене с дочкой, вышел наружу, на крышу.

«Да, на рассвете Венеция лучше всего», — думал Карло, справляя нужду с крыши в канал. В неярком розовато-лиловом свете зари нетрудно было вообразить, будто город точно таков, как всегда, как прежде, будто Гранд-канал, радуясь погожему летнему утру, вот-вот заполонят орды заезжих туристов... Впечатление портили разве что разношерстные, сооруженные из всякой всячины хижины на крышах соседних домов. В окрестностях церкви, Сан-Джакомо-ди-Риальто, дома затопило по самую кровлю, и потому черепичные крыши пришлось пустить на слом, а на балках перекрытий возвести хибарки из материалов, раздобытых внизу — досок, drankи, камня, металла, стекла. В такой же лачуге, шаткой постройке из брусьев, кусков цветного стекла из витражей Сан-Джакометто да сплюсненных кувалдой дренажных труб, жил и сам Карло. Оглянувшись назад, глава семейства тяжело вздохнул. Нет, уж лучше смотреть туда, за Риальто, на алое солнце, сияющее над луковицами куполов Сан-Марко...

— Тебя те японцы сегодня ждут, — напомнила изнутри жена Карло, Луиза.

— Знаю.

Туристов в Венеции до сих пор хватало, это уж точно.

— Да гляди, не обидь их чем, — продолжала супруга. Голос ее доносился из дверного проема — яснее некуда. — Не то опять без денег домой погребешь, как с венграми в прошлый раз получилось. Ну, какая, скажи мне, разница, что они там из-под воды достают? Все это — прошлое. Кому какой прок от старья, валяющегося на дне?

— Заткнись. Сам знаю, — устало откликнулся Карло.

— А нам дров надо купить, и овощей, и туалетной бумаги, и носки для малышки, — не унималась Луиза. — А лучше этих японцев клиентов тебе не сыскать, так что ты уж с ними по-вежливее.

Вернувшись под крышу лачуги, Карло ушел в спальню, одеваться. Между первым и вторым башмаком он решил устроить себе перекур (сигарета последняя, табака в доме больше ни крошки). Со вкусом затягиваясь табачным дымком, Карло не сводил глаз с книг на полу — коллекции книг о Венеции, «библиотеки», как саркастически именовала ее Луиза. Книги все до единой потрепаны, разлохмачены, заплесневели, покорбились от сырости так, что ни одна толком не закрывается, каждая страница — все равно, что поверхность Лагуны в ветреный день... жалкое, одним словом, зрелище. Проходя мимо, Карло легонько пихнул носком остывшего за ночь башмака ближайшую стопку и снова вышел в другую комнату.

— Ухожу, — целуя дочурку, а после — Луизу, сказал он. — Буду поздно: они Торчелло хотят навестить.

— Что их туда понесло?

Карло пожал плечами.

— Может, просто полюбоваться желают.

С этими словами он, пригнув голову, вышел за дверь. Чуть ниже крыши, в прямоугольном дворике, покачивались на воде соседские лодки. Соскользнув с черепицы на узенькие наплавные мостки, сооруженные вместе с соседями, Карло подошел к своему суденышку, широкобортной парусной шлюпке под брезентовым тентом. Шагнув в нее, он отшвартовался и погреб к выходу в Гранд-канал, а там, на просторе, поднял над водой весла и предоставил шлюпке самой нести его вниз по течению. Некогда Гранд-канал, естественная протока среди илистых от-

мелей Лагуны, был укрощен людьми, но теперь вновь превратился в настоящую реку с сотнями «рукавов», с берегами из черепичных крыш да каменных стен дворцов. С рассветом вокруг закипела работа, строительство новых лачуг на крышах домов. Знакомые при виде Карло махали ему, не выпуская из рук кто веревки, кто молотка, кричали «привет», а Карло, проносясь мимо, салютовал в ответ приподнятым над бортом веслом. Глупость это, конечно, строиться у самого Гранд-канала: теперь ему вполне хватает силы сметать с пути старые здания, чем он нередко и пользуется... а впрочем — их дело. Если уж на то пошло, кто здесь, в Венеции, не дурак?

Добравшись до Бачино-ди-Сан-Марко, он направил шлюпку через Пьяцетту, мимо Дворца дождей, величаво возвышавшегося над водой на целых два этажа, к Пьяцце¹. Лодок тут, как всегда, скопилось — не протолкнешься. Только здесь, в этом месте, Венеция и оставалась по-прежнему многолюдной, а потому бывать у Сан-Марко Карло любил, однако шнырявшие под носом гондолы проклинал так же громогласно, как и всякий другой. Исхитрившись пробиться к окну базилики, он направил шлюпку внутрь.

Гвалт под куполами, сверкавшими золотом и лазурью, царил ужасный. Большую часть воды в зале занимали наплавные мостки. Пришвартовавшись к ним, Карло выгрузил на настил четыре воздушных баллона для акваланга, выбрался из лодки сам, подхватил по паре баллонов в каждую руку и двинулся через причал, к рынку. В рыбных рядах жизнь бурлила вовсю. На прилавках красовались, выставленные на продажу, лотки с кефалью, тунцом, камбалой и скаты и туши выловленных в лагуне акул. На подносах возвышались груды моллюсков, и створки их раковин поблескивали в солнечных лучах, падавших внутрь сквозь разноцветные стекла восточного окна; живых крабов торговцы с торговками доставали прямо из люков в настиле, безбоязненно сунув пальцы в кишасщие крабами краболовки; осьминоги в ведерках мутили воду чернилами; морские губ-

¹ Площадь Сан-Марко — главная городская площадь Венеции, логически делящаяся на две части: пространство от Гранд-канала до колокольни собора Сан-Марко (Пьяцетту) и собственно площадь (Пьяццу). (*Здесь и далее — примечания переводчика.*)

ки сочались пеной; рыбаки наперебой выкрикивали цены на свой товар, не забывая мимоходом хулить свежесть товара соседей.

В самом сердце рыбного рынка держал лавку подводного снаряжения Людовико Салерно, доводившийся Карло одним из лучших друзей. Там Карло ждали двое клиентов-японцев. Поздоровавшись с ними, он отдал Салерно баллоны, а тот принялся подключать их к компрессору для перезарядки. Пока баллоны наполнялись сжатым воздухом, оба трескуче тараторили по-итальянски, наскоро обмениваясь новостями. Покончив с перезарядкой, Карло расплатился и повел японцев к шлюпке. Усевшись, оба пристроили рюкзаки под брезентовым тентом, а Карло погрузил на борт баллоны.

— Мы готов плыть Торчелло? — спросил один из них.

Второй с улыбкой повторил его вопрос. Звали японцев Хамада и Таку. Поначалу без шуточек насчет того, что последний и Карло — практически однофамильцы, не обошлось, но итальянским Таку владел куда хуже товарища, а потому остроты эти быстро сошли на нет. Наняли они Карло четыре дня тому назад, все у той же лавки Салерно.

— Да, — подтвердил Карло.

Вырулив из толчеи Пьяццы, он повел шлюпку каналами помельче, мимо Кампо Санта-Мария-Формоза, почти такой же людной, как и Пьяцца. За нею каналы вмиг опустели: здесь безмятежность затопленного города нарушали лишь редкие хижинки на крышах домов.

— Этот часть город Венеция много люди не жить, — заметил Хамада. — Дома на домах — нет.

— Это точно, — откликнулся Карло. Шлюпка как раз миновала Сан-Заниполо и госпиталь. — Тут госпиталь слишком близко, — пояснил он, — а в госпитале какой только заразы не было. Болезней, понимаете?

— А-а, «Оспедале Чивиле»! — закивал Хамада, а следом за ним и Таку. — Мы плавать госпиталь прежний, не этот, приезд Венеция, так. Много прекрасный статуя снизу поднять.

— Каменный лев, — добавил Таку. — Много каменный лев с крылья на глубина двадцать-сорок.

— Это точно, — как заведенный повторил Карло.

«И стоят, небось, теперь эти львы у входа в роскошный особняк какого-нибудь японского бизнесмена по ту сторону света», — подумал он про себя и, чтобы отвлечься от таких мыслей, принялся разглядывать пышущие здоровьем, глянце-витые, точно маски, лица пассажиров, смеющихся над собственными воспоминаниями.

Вскоре они пересекли Фондамента Нуове, северную границу города, и вышли в Лагуну. С норда бежала легкая зыбь. Еще раз-другой взмахнув веслами, Карло перебрался вперед и поднял единственный парус: ветер с зюйда, так что идти до Торчелло, на норд, недолго. В лучах рассвета Венеция за кормой казалась просто прекрасной, будто до города — многие мили и марево над водой мешает разглядеть его во всех подробностях.

Японцы, прекратив болтовню, перегнулись через борт. Шлюпка шла над Сан-Микеле, над островом, служившим городу кладбищем не одну сотню лет. При низкой воде все эти склепы, мавзолеи, обелиски да надгробные камни как бы не хуже любых рифов... но сейчас в глубине маячили лишь причудливо ровные белые прямоугольники — будто плоды архитектурного творчества рыб. Дабы произвести на клиентов должное впечатление, Карло поспешно перекрестился, снова сел к румпелю, натянул шкот потуже, и шлюпка, чуть накренившись на борт, развернулась носом навстречу негромко плещущим волнам.

От силы минут через сорок они оказались возле Мурано, обходя его по краю, вдоль восточной границы. Подобно Венеции, вдоль да поперек рассеченный каналами, до потопа Мурано был попросту небольшим, притягательно старомодным островным городком. Однако множеством высоких зданий он, как Венеция, похвастать не мог, а подводное течение, по слухам, изрядно размыло его островки, так что от городка почти ничего не осталось. Тут японцы оживленно затараторили между собой, а после Хамада спросил:

— Карло, этот город... возможно ли посетить?

— Слишком опасно, — отвечал Карло. — Много зданий в каналы обрушилось.

Японцы с улыбками закивали.

— Люди здесь жить? — спросил Таку.

— Да, но мало совсем. Живут в самых высоких домах, куда вода не достала, а работают в Венеции. Так им в городе хижин на крышах строить себе не приходится.

На лицах обоих спутников отразилось недоумение.

— Нехватка жилья в Венеции им нипочем, — пояснил Карло. — В Венеции — вы, возможно, заметили — с жильем сейчас туговато.

На сей раз шутку клиенты поняли и громогласно захохотали.

— Есть акваланг — на нижние этажи тоже жить можно, — сказал Хамада, кивнув на снаряжение Карло.

— Это точно, — откликнулся тот. — А еще жабры можно отрастить.

Выпучив глаза, он чиркнул пальцами по горлу, изображая жабры. Эта шутка японцам тоже пришлась по душе.

За Мурано Лагуна на несколько миль вперед была чиста — морская лазурь, покрытая сверкающей на солнце рябью. Шлюпка закачалась с носа на корму, ветер туго натянул шкот в руке, и Карло охватила небывалая радость.

— Шторм надвигается, — известил он спутников, указывая на черную полосу над северным горизонтом.

Зрелище было привычным. Недолгие, однако буйные штормы несло с Австрийских Альп через перевал Бреннер, в долину По, а после — в Лагуну и далее, в Адриатику, где гроза шла на убыль, по разу в неделю, а то и чаще, даже во время лета. Главным образом из-за них-то рыбный рынок и обустроили под куполами Сан-Марко: уж больно всем надоело торговать да покупать под дождем.

Тучи на горизонте оказались знакомы даже японцам.

— Много дождь скоро быть здесь, — сказал Таку.

— Таку и Тафур, предсказатели погоды, — с ухмылкой откликнулся Хамада. — Отличный компания получится!

Все трое вновь рассмеялись.

— Он и в Японии погоду предсказывает? — поинтересовался Карло.

— Да, в самом деле, конечно! В Япония дождь каждый день. Таку сказать: «Завтра дождь обязательно», — и он пророк. Предсказатель погоды!

— А ваших городов все эти дожди не заливают? — спросил Карло, когда смех утих.

— Э-э... что?

— Ну, свои Венеции у вас, в Японии, есть?

Об этом японцы разговаривать не пожелали.

— Не понимать... нет, в Япония — Венеция нет, — спокойно отвечал Хамада, однако на сей раз шутка ни того, ни другого не рассмешила.

Шлюпка шла дальше. Мало-помалу Венеция, а за ней и Мурано скрылись за горизонтом. Теперь и до Бурано рукой подать. Держа шлюпку носом к волне, Карло слушал, как спутники беседуют меж собой на собственном немислимом языке, порой переключаясь на ломаный итальянский, отчего его то разбирало безудержное веселье, то такая досада, что хоть планширь зубами грызи.

Вскоре впереди показался Бурано. Вначале над горизонтом поднялась кампанила¹, а за нею последовали немногие здания, не скрывшиеся под водой целиком. Если в Мурано все еще кое-кто жил, работал крохотный рынок, а на Иванов день даже праздник устраивали, то Бурано обезлюдел напрочь, кампанила его покосилась, будто мачта затонувшего корабля. После 2040-го от островного городка остались одни только крыши, отделенные друг от дружки частой сеткой «каналов». Здорово недолюбливавший Бурано, Карло обогнул его далеко стороной. Спутники снова негромко затараторили по-японски.

До Торчелло, еще одного опустевшего островного городка, оставалось не более мили. Отсюда, от Бурано, уже видна была его кампанила — высокая, ярко-белая на фоне черной пелены надвигавшихся с севера туч. К городку подошли в молчании. Спустив парус, Карло отправил Таку на нос — следить, не подвернется ли под днище топляк либо еще какое препятствие, и осторожно, неторопливо заработал веслами. Шлюпка послушно заскользила мимо кровель домов и стен, торчавших всюду вокруг, точно морские рифы или фундаменты древних зданий над сушей. Множество черепицы и балок перекачева-

¹ Кампанила — колокольня, обычно стоящая отдельно от здания храма.

ло отсюда в Венецию: строиться-то людям нужно... а впрочем, Торчелло к подобному не привыкать. Во времена Возрождения он, миниатюрный соперник Венеции, мог похвалиться двадцатью тысячами населения, однако в шестнадцатом и семнадцатом столетиях начисто обезлюдел — тут-то сюда, на развалины городка, в поисках доброго мрамора или лестничного пролета подходящих размеров, и явились венецианские зодчие. Затем городок на время ожил вновь, заселенный несколькими тысячами жителей, зарабатывавших плетением кружев да обслуживанием туристов, предпочитающих меланхолию, однако поднявшиеся воды погубили Торчелло окончательно и бесповоротно. Стоило оттолкнуться веслом от стены, огромный кусок кладки не выдержал — подался, канул на дно. Пришлось Карло сделать вид, будто он ничего не заметил.

Еще немного, и шлюпка оказалась на открытой воде — на относительном просторе Пьяццы¹. Площадь окружали несколько уцелевших крыш не выше шлюпочной мачты и щербатые зубья кирпичной и каменной кладки, венчавшие тени уходящих под воду стен. О плане города, о былом расположении улиц оставалось только гадать, однако Санта-Мария Ассунта, собор Успения Девы Марии, выходящий на Пьяццу, держался непоколебимо, верно служа опорой для белой кампанилы, прямо, горделиво тянувшейся к небу, словно Торчелло по-прежнему жив.

— Этот церковь. Здесь мы желать погружаться, — сказал Хамада.

Карло кивнул. От навеянного плаванием веселья не осталось даже следа. Огибая Пьяццу по кругу, он принялся высматривать ровное место, где можно причалить и приготовиться к погружению. Пристройки к собору, изрядных размеров зданию, ушли под поверхность воды целиком. Раз киль шлюпки заскрежетал о конек крыши. Следуя вдоль амбароподобного нефа, все трое глядели в высокие окна. Всюду вода, как и следовало ожидать... но вот за одним из небольших окошек в боковой стене кампанилы, расширенным чьей-то кувалдой, обнаружился лестничный марш, а парой ступеней выше — каменный пол. Туда-то они, пришвартовавшись к стене, и перетащили все необходи-

¹ Пьяцца — здесь: главная площадь города.

мое снаряжение. В неярком полуденном свете грубо отесанный камень внутри казался рябым от теней. Кампанилу почтенные жители Торчелло строили в спешке, полагая, что на рубеже тысячелетия, с наступлением года 1000-го от Рождества Христова, миру настанет конец. Подумав, насколько больше у них в запасе имелось времени, Карло невольно заулыбался. Вскарabкавшись по каменным ступеням наверх, к самой звоннице, на миг ослепленные внезапным солнцем, все трое огляделись вокруг. На юге виднелись Бурано с далекой Венецией... ну, а на севере, за отмелями Лагуны, начиналось побережье Италии. Черная полоса туч над ним казалась кромкой стены, почти целиком скрытой за горизонтом, однако стена поднималась, росла на глазах, а стало быть, шторма не миновать.

Спустившись со звонницы, Карло с японцами снарядились для погружения и один за другим плюхнулись в воду у стены кампанилы. Снизу, среди комплекса церковных сооружений, было темно. Карло без спешки вывел японцев назад, на Пьяццу, и направился в глубину. Дно оказалось илистым, и Карло старательно держался повыше, не прикасаясь к нему. Тут его подопечные увидели тот самый каменный трон посреди Пьяццы (в одной из заплесневелых книг Карло говорилось, будто называется он Троном Аттилы, только никто не знал, отчего) и замахали друг другу, указывая на него. Одному из них взбрела в голову дурацкая мысль — встать на дно да прогуляться по площади в лапах... и, разумеется, поднять со дна тучу ила. Второй присоединился к товарищу, и оба, увенчанные шлейфами пузырьков, принялись снимать один другого, восседающего на троне, подводными камерами.

«Ил непременно картинку попортит, — мрачно подумал Карло, предоставив клиентам резвиться, сколько душа пожелает. — Интересно, что им в соборе могло понадобиться?»

Наконец Хамада, подплыв к нему, указал в сторону церкви. Глаза японца под маской поблескивали от восторга. Неторопливо работая лапами, Карло повел обоих кругом, к парадному входу в собор. Дверные створки куда-то исчезли, так что проникнуть внутрь им удалось без труда.

В соборе царил тьма. Все трое, сняв с пояса огромные фонари, включили их, зашарили лучами по сторонам. Конусы све-

та превращали темную воду в чистейший хрусталь, но разглядеть интерьер собора это не помогло. Пол покрывал толстый слой ила. Наблюдая за рышущими по залу клиентами, Карло бесцельно водил по стенам лучом фонаря. Странно, однако часть окон, здесь, под водой, оказалась нетронутой. Шлейфы пузырьков в луче света превращались в чистое серебро.

Вскоре японцы добрались до той самой картины, керамической мозаики в западной оконечности нефа. Один из них (кажется, Таку) отер с мозаики слизь, отчего мозаика сразу же сделалась куда как красочней прежнего. Первым делом японцы направились к самой большой, изображавшей Распятие, Воскресение Мертвых и Страшный Суд; столько событий разом — жизнь, можно сказать, бьет ключом. Чтоб разглядеть все как следует, Карло придвинулся ближе, однако, едва оттерев стену дочиста, японцы отправились в противоположный конец собора: там, над рядами сидений, обращенных к апсиде, имелась еще одна мозаика. Хочешь не хочешь, пришлось Карло следовать за клиентами.

Эту мозаику тоже очистили быстро, и, едва муть осела, лучи трех фонарей скрестились на открывшейся перед ныряльщиками картине.

Богородица, Теотака Мадонна... Изображенная на тускло-золотом фоне с Младенцем на руках, Дева Мария взирала на мир печальным всеведущим взглядом. Качнув ластами, Карло поднялся над головами японцев, направил луч фонаря Богородице прямо в лицо. Казалось, она обладает способностью видеть грядущее, до этой самой минуты и далее — и всю недолгую жизнь своего малыша, и все ужасы, все беды, случившиеся после. При виде мозаичных слез на ее щеках Карло тоже едва не омочил слезами и без того мокрое лицо. На миг он словно бы перенесся в какую-то церковь на самом дне глубочайшего моря: давление чувств, распиравших грудь, всерьез угрожало разорвать сердце, и сдерживать их стоило немалых трудов. Холод воды вгонял в дрожь, пузырьки воздуха из выпускного клапана густым, непрерывным шлейфом струились кверху... а Мадонна смотрела, смотрела, смотрела на него, не сводя глаз. Брыкнув ногой, Карло развернулся и поплыл прочь. Спутники, точно всплунутые рыбешки, устремились следом. Во главе с Карло ны-

ряльщики выплыли из собора в сумерки Пьяццы, поднялись на поверхность и направились к шлюпке, к проему окна.

Сбросив ласты, Карло устроился на ступенях, обсохнуть. Таку с Хамадой, влезши в окно, сели рядом и о чем-то возбужденно залопотали по-своему, по-японски. Карло мрачно взирал на обоих, и, наконец, Хамада повернулся к нему.

— Мы хотеть та картина, — сообщил он. — Мадонна с младенец.

— Что?! — во весь голос вскричал Карло.

Хамада приподнял брови.

— Вот та картина мы хотеть взять домой. В Япония.

— Но как?! Картина... она же из уймы маленьких плиточек, намертво к стенке приклеенных — не можете же вы взять их да ободрать!

— Итальянский правительство позволять, — встрял в разговор Таку, однако Хамада жестом велел ему замолчать.

— Мозаика, да. У нас с собой инструмент. Кислородно-водородная горелка. Метод... как в археология, понимать? Разрезать стена на части, на кирпичи, пронумеровать их — и собрать на новое место. В Япония. Над водой, — пояснил он, блеснув жемчужной улыбкой.

— Нельзя же так! — объявил Карло, оскорбленный до глубины души.

— Не понимать, — отозвался Хамада, хотя понял все — лучше некуда. — Итальянский правительство разрешить.

— Здесь тебе не Италия, — зарычал Карло, в гневе поднявшись на ноги.

Тем более зачем им там, в Японии, Мадонна? Они ведь даже не христиане...

— Италия — там, — продолжал он, в расстроенных чувствах по ошибке махнув рукой на юго-восток, чем, несомненно, сбил японцев с толку сильнее прежнего. — А мы Италией сроду не были! Здесь — Венеция! Венецианская республика!

— Не понимать. — Что-что, а эту фразу японец, похоже, зазубрил на всю жизнь. — Мы получить разрешение от итальянский правительство.

— Иисусе Христе, — пробормотал Карло, едва не задохнувшись от возмущения. — И долго вы с этим провозитесь?